

**Алексей
КАЗАКОВ**

г. Челябинск

Когда в 1916 году 20-летнего Есенина призвали на военную службу, то он, конечно, не думал, что ему придется служить в Царском Селе, напрямую общаться с лицами царской семьи, воочию видеть последнего русского императора Николая II.

...Работая в свое время в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, я обратил внимание на раннее есенинское стихотворение 1916 года «В багровом зареве закат шипуч и пенен...», которое не являлось автографом, оно было написано чужой рукой, а точнее, литературоведом Л.Р. Коганом (1885–1959). Список стихотворения был сопровожден следующей припиской: «Подлинник находился в архиве Екатерининского дворца в Детском Селе (г. Пушкин). Он представляет собой лист ватманской бумаги in octavo. Текст написан акварелью, славянской вязью. С правой стороны, сверху вниз, орнамент. Список сделан мною в 1930 году. В настоящее время оригинал, по-видимому, утрачен. Стихотворение это написано по случаю посещения дочерьми Николая II лазарета при строительстве Федоровского собора в Царском Селе, где Есенин, призванный на военную службу, состоял писарем. Есть основание полагать, что оно было написано по требованию полковника Ломана, начальника Есенина...»

Известно, что благодаря покровительству петроградских друзей, прежде всего поэтов С.Городецкого и Н.Клюева, Сергей Есенин был определен санитаром (а не писарем) в полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны, в дальнейшем служил в лазарете № 17 для раненых воинов там же, в Царском Селе. Сохранились почтовые карточки кратких писем Есенина родным, на обороте которых напечатано: «Лазарет Их Императорских Высочеств Великих Княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны при Федоровском Государевом соборе для раненых. Царское Село».

Сохранились портретные изображения Есенина того времени (авторы рисунков: А. Бенуа, В. Юнгер, И. Ясинский). И еще пусть наивный, но стихотворный портрет, который оставила врач-хирург царскосельского госпиталя, княжна Вера Игнатьевна Гедройц (1870–1932). Вспоминая об одной из встреч с юным Есениным, она писала ностальгически:

Я тебя помню в голубой рубашке
 Под сенью радушного крова.
 Ты пил из фарфоровой чашки
 Чай у Разумника Иванова.
 Точно лен, волнистые пряди
 По плечам твоим спускались,
 Из-под длинных ресниц ограды
 Глаза смеялись.
 Ты был молод, почти ребенок,
 Смех звучал безмятежно,
 И был ты странно робок
 И странно нежен...

Непосредственным начальником Есенина был полковник Дмитрий Николаевич Ломан (1868–1918), штаб-офицер для особых поручений при дворцовом коменданте (в 1918 году расстрелян большевиками в числе других придворных царской семьи). Его сын Юрий Дмитриевич (1906–1980) был крестником императрицы Александры Федоровны (по другим сведениям – самого императора Николая II), а в советское время работал в дирекции ленинградского завода «Красный химик», к тому же боевой офицер, участник обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Он оставил автобиографические записки «Воспоминания крестника императрицы» (рукопись), где часто упоминает молодого рязанского «поэта-самородка» Сергея Есенина. Именно в то время за Есениным прочно закрепилось прозвище Сказитель, так его воспринимали поначалу в художественных кругах северной столицы. В крестьянской поддевке и подстриженный в скобку, юноша олицетворял собой народного выходца полевой и лесной Руси-России. Мыкаясь по редакциям и светским салонам, он знал про себя много больше, нежели окружавшие его литераторы. Лишь немногим друзьям-приятелям открывался, говоря: «Пишу стихи о России... Будут Есенина печатать! Слово даю! Я теперь, как скворец, с утра на ветке горло деру...» (из моих бесед с поэтом В. А. Рождественским в Ленинграде в октябре 1970 г. – А. К.)

«Когда Есенин читал, глядя на него, мне всегда казалось почти невероятным, что где-то глубоко-глубоко внутри этого щуплого с виду паренька с лукаво бегающими глазками и типичной повадкой деревенского жителя струится неиссякаемый родник крестально чистой поэзии. В самом характере есенинского чтения была особая, свойственная ему певучесть. И конец каждого произнесенного им слова, прежде чем замереть, вздрагивал, как звук туго натянутой струны.

Разбуди меня завтра рано,
 О моя терпеливая мать!
 Я пойду за дорожным курганом
 Дорогого гостя встретить.

Есенин читал, как пел. Легко и свободно, чуть отеняя иногда отдельные слова. Так, слово «мать» он произнес иначе, чем остальные... Но что больше всего покоряло в есенинском чтении, так это слитность музыки стиха с живой образностью», – вспоминал художник Михаил Бабенчиков, близко знавший Есенина в пору его петроградской жизни в 1915–1916 годах.

На военную службу Есенин был призван весной 1916 года, вскоре после выхода в свет его первого поэтического сборника «Радуница». Подписывая первые экземпляры «Радуницы» знакомым литераторам, поэт именовал себя «баяшником», осознавая в душе историческое преемство древнерусских боянов-летописцев, что баяли в песнословах своих биль-легендах о временах минувших и настоящих. Каждый автограф-надпись Есенина на книжках «Радуницы» звучал маленьким сказом былинного свойства. Вслушаемся в их содержание: «От поемов Улыбыша перегудной мещеры поэту ипостольной чаши скорбной тропы Ю. Бальтрушайтису на добрую память от баяшника соломенных суемов. Сергей Есенин. 1916. 9 февраля. Пт.»; «Максиму Горькому, писателю земли и человека от баяшника соломенных суемов Сергея Есенина на добрую память. 1916 г. 10 февр. Пт.».

Услышав однажды совместное выступление-чтение Клюева и Есенина, «великий старец» Григорий Распутин написал записку полковнику Д.Н.Ломану: «Милой, дорогой, присылаю к тебе двух парешков. Будь отцом родным, обогрей. Робята славные, особливо этот белобрысый. Ей-Богу, он далеко пойдет». Подлинник этой записки хранился в архиве Екатерининского дворца в Царском Селе (г. Пушкин), но пропал во время войны; по некоторым данным, был вывезен вместе с другими материалами в Германию, где и хранится в одном из частных собраний, равно как и есенинские рукописи 1916 года...

«Радуница» Есенина порадовала не только столичных литераторов, эта маленькая книжка согрела сердца русских солдат, в основном бывших крестьян, в промозглых окопах на полях Первой мировой войны. «Про нас написано, берет за сердце...» – говорили солдаты, послушав стихи незнакомого им Есенина о живой красоте рязанской природы, где «только лес, да посолонка, да заречная коса».

Таким пришел Сергей Есенин на военную службу в

Царское Село, представ перед сиятельными особами с целым коробом стихов-сказов.

Судьба подарила Есенину редкую возможность оказаться в самом центре художественной жизни России первых десятилетий нового XX века. Федоровский городок в Царском Селе, строившийся к 300-летию династии Романовых, представлял собой архитектурный ансамбль, обнесенный кремлевской стеной со сторожевыми башнями, бойницами, каменными, с богатой резьбой воротами (почти все это сохранилось и сейчас восстанавливается в первоизданном виде). Строился городок на частные средства при участии художников и архитекторов братьев В. М. и А. М. Васнецовых, М.В.Нестерова, Н. К. Рериха, И. Я. Билибина, А.В.Щусева, А. Н. Померанцева, С. С. Кричинского, В.А.Покровского. К 1916 году городок стал местом деятельности Общества возрождения художественной Руси. В солдатском лазарете городка молодой санитар Есенин читал свои первые стихи, в частности, поэму «Русь». А в день именин великой княжны Марии Николаевны 22 июля 1916 года поэт прочел на концерте в офицерском лазарете стихотворение «В багровом зареве закат шипуч и пенен...».

На концерте были императрица и все четыре ее дочери, о будущей трагической судьбе которых провидчески скорбел Есенин:

*В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.
Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.
На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.
Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.*

По окончании концерта Д. Н. Ломан представил императрице и великим княжнам Есенина, писателя Сладкопевцева, артиста Артамонова и режиссера Арбатова. «Во время беседы императрицы с ними ей были преподнесены сборник стихов Есенина «Радуница» и сборник рассказов Сладкопевцева», – вспоминал сын Д. Н. Ломана Юрий, присутствовавший на том концерте. В свою очередь,

за участие в концерте Есенин был пожалован золотыми часами с гербом и цепочкой, Арбатов – золотой брошью, а Сладкопевцев – золотым кулоном. Дарственная надпись на «Радунице» гласила: «Ея Императорскому Величеству Богохранимой царице-матушке Александре Феодоровне от баяшника соломенных суемов словомолитвенного раба рязанца Сергея Есенина».

По некоторым сведениям, эта книга находилась в коллекции московского библиофила И. А. Полонского, местонахождение ее в настоящее время неизвестно... После этого концерта на молодого санитаря обратили внимание. Его приглашали на все последующие мероприятия Федоровского городка. Во время одного из артистических ужинов по просьбе Д. Н. Ломана поэт выступил со стихотворением «Вещий сон». «Сережа, – сказал Дмитрий Николаевич, – прочтите «Вещий сон», а вы, господа, внимательно послушайте. Может, и вы скоро станете санитарями». Улыбаясь, поэт стал читать о том, как ему приснился Пушкин, который пришел в городок:

Он спросил меня через дворовый гомон:

– А где живет полковник Ломан?

Есенин проводил Пушкина и услышал, как полковник, обращаясь к Александру Сергеевичу, сказал:

*Чем сидеть на памятнике даром,
Я предложил бы вам поехать санитаром,
А чем писать ваши шутки-прибаутки,
Вы носили бы урыльники и «утки».*

«Стихотворение было довольно длинное...» – вспоминал Юрий Ломан.

К сожалению, текст «Вещего сна» не сохранился.

Так же, как не сохранился автограф стихотворения «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» – лист со стихотворением, видимо, был либо уничтожен, либо вывезен в период временной оккупации немецкими войсками Пушкина (Царского Села), когда Екатерининский дворец подвергся разграблению (вспомним историю с «Янтарной комнатой»). Но сохранилось описание того листа. В Москве, в Российском государственном архиве литературы и искусства, выявлено письмо ленинградского искусствоведа А. И. Иконникова к писателю Н. Н. Никитину (другу Есенина) от 19 мая 1962 года. В нем он сообщил, что в 30-е годы ему довелось разбирать материалы так называемой «детской половины» Александровского дворца в бывшем Царском Селе. «И там среди книг, журналов, бесчисленных фотографий, – продолжал Иконников, – я обнаружил роскошную в пол-листа папку, обложенную великолепной золотой парчой, сделанной в стиле конца XVII в. В папке лежал большой лист плотной бумаги, на ко-

тором среди очень неплохо сделанных орнаментов в том же стиле конца XVII в. было написано чуть ли не золотом стихотворение «Царевнам», подписанное Есениным...»

Добавлю к этому документу другой факт: в том же 1916 году Есенин замыслил выпустить в свет сборник стихов «Голубень» с общим посвящением «младым царевнам», однако Февральская революция 1917 года и отречение императора Николая II от власти в марте того же года помешали осуществить этот творческий замысел поэта. В двух письмах конца 1916 года Есенин упоминает «Голубень»: «Сейчас готовлю книгу вечерами для печатания, но прежде хотелось бы провести ее по журналам» (И. И. Ясинс-

Дмитрий Николаевич Ломан, полковник, штаб-офицер для особых поручений при дворцовом коменданте.

С. А. Есенин (на переднем плане) среди персонала военно-санитарного поезда № 143.

кому, 20 ноября 1916); «Впредь буду обязан Вам «Голубенью», о достоинстве коей можете справиться у Разумника Иванова и Клюева» (М. В. Аверьянову, 28 декабря 1916).

Позднее «Голубень» вышла двумя изданиями (1918, 1920), но это была уже другая книга и другая песня поэта...

Но не ушли безвозвратно отзвуки той, былой поэтической песни: в 1923 году он рассказывал своей гражданской жене Надежде Вольпин о днях, проведенных в Царском Селе. «Слушаю рассказ Сергея о том, как он, молодой поэт, сидит на задворках дворца, на «черной лестнице» с Настенькой Романовой, царевной! Читает ей стихи. Целуются... Потом паренек признается, что отчаянно проголодался. И царевна «сбегала на кухню», раздобыла горшочек сметаны («а вторую-то ложку попросить побоялась»), и вот они едят эту сметану одной ложкой поочередно! Выдумка? Если и выдумка, в сознании поэта она давно обратилась в действительность. В правду мечты. И мечте не помешало, что в те годы Анастасии Романовой могло быть от силы пятнадцать лет. И не замутила идиллию памятью о дальнейшей судьбе всего дома Романовых. Я слушаю и верю. Еще не умею просто сказать: «А не привираешь ли, мальчик?» Напротив, я тут же примериваюсь: не царевна ли та твоя давняя подлинная любовь? Но уж тогда свершившееся в Екатеринбург (Свердловске) не могло бы не перекрыть кровавой тенью твой горшочек сметаны!»

Эту историю Надежда Давыдовна Вольпин поведала мне в 1984 году, прожив почти век на этом свете...

Наставник царских детей Пьер Жильяр вспоминал: «Трудно было найти четырех сестер, столь различных по характерам и в то же время столь тесно сплоченных дружкой. Из начальных букв своих имен они составили общее имя: «Отма». Ольга Николаевна обладала очень живым умом. У нее было очень много рассудительности и непосредственности. Она была очень самостоятельного характера... Татьяна Николаевна, от природы скорее сдержанная, обладала волей, но была менее откровенна и непосредственна, чем старшая сестра. <...> Она была очень красива, хотя не имела прелести Ольги Николаевны. Любимицей императрицы была Татьяна Николаевна. Своей красотой и природным умением держаться она в обществе затемняла сестру, которая меньше занималась своей особой... Сестры нежно любили друг друга... Их звали «большие», а Марию Николаевну и Анастасию Николаевну звали «маленькие». Мария Николаевна была красавицей... Она блистала яркими красками и здоровьем; у нее были большие чудные серые глаза. Вкусы ее были

очень скромны; она была воплощенной сердечностью и добротой... Анастасия Николаевна была, наоборот, большая шалунья и не без лукавства. Она во всем быстро схватывала смешные стороны... Она была баловница... В общем, трудно определяемая прелесть этих четырех сестер состояла в их большой простоте, естественности, свежести и врожденной доброте. Их отношения с государем были прелестны. Он был для них одновременно царем, отцом и товарищем».

Известно, что Есенину нравилась больше Мария, они познакомились, когда ей было 17 лет, а ему 21 год. С Анастасией он мог позволить себе поболтать, той было 15, а Марию Николаевну поэт стеснялся... Так что «мальчик не привирал», рассказывая о встречах с царевнами.

Начинал 1916 год Есенин чтением стихов в Москве, куда приехал с Н. А. Клюевым (при материальной поддержке Д. Н. Ломана) для выступлений в качестве «сказителей», в том числе и в придворных кругах. Поэты читали свои произведения в лазарете для раненых при Марфо-Мариинской обители (Большая Ордынка, 34), патронируемом великой княгиней Елизаветой Федоровной, родной сестрой императрицы (в 1918 году она разделила горькую участь царской семьи, погибнув в шахте под Алапаевском). Выступали Клюев и Есенин также в доме Елизаветы Федоровны перед хозяйкой и приглашенными ею гостями, в их числе были художники М. Нестеров и В. Васнецов.

А завершал 1916 год Сергей Есенин в Царском Селе – в октябре он присутствовал на богослужениях в Федоровском Государевом соборе, что не помешало ему отказаться (сказалось влияние Клюева) от предложения Д. Н. Ломана написать совместно с Клюевым книгу стихов о соборе. Но он еще продолжал читать стихи раненым в лазарете № 17. Последний раз Есенин читал стихи в Трапезной палате Федоровского городка в честь членов Общества возрождения художественной Руси. Было это 19 февраля 1917 года. Трапезную Федоровского городка поэт всегда помнил – это был двухэтажный дом из белого камня, отделанный узорами и напоминавший Грановитую палату Московского Кремля. В нем было много сводчатых палат, расписанных старинным русским орнаментом, узорчатых лестниц и переходов. Дом был обставлен специально сделанной мебелью в русском старинном стиле. Сама палата была расписана древними русскими гербами. Есенина особенно привлекало деревянное блюдо, на котором был изображен витязь, принимающий у бояр хлеб-соль. Оно было покрыто красивым орнаментом с вделанными в него уральскими са-

моцветами. А своды соседней столовой были расписаны текстами из русских пословиц: «Добрая весть – коли говорят, пора есть», «Русский аппетит ничему не вредит», «Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова», «Что там ни говори, а на русской черной каше выросли богатыри».

В столбовой палате находился музей уникальных вещей древнего русского обихода и икон. В дни оккупации немцами Царского Села вся эта красота погибла...

Как-то в столовой под гармонь пели песни. Когда затянули «Бродягу», на словах «Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша...» полковник Ломан прервал пение и заметил, что «мамаша» совершенно не подходит к русскому народному языку, на что Есенин возразил, сказав, что сейчас в деревне вовсю поют частушки, язык которых становится все более и более похожим на городской.

В марте 1917 года Сергея Есенина откомандировали из санитарного поезда № 143 в распоряжение Военной комиссии при Государственной Думе с получением аттестата о том, что препятствий к «поступлению в школу прапорщиков не встречается». Начавшаяся революционная смута окончательно устранила все препятствия, о чем спустя годы Есенин написал в поэме «Анна Снегина»:

*И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу», и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.
Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смордном огне
Тогда над странюю калифствовал
Керенский на белом коне.*

*Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу –
Был первый в стране дезертир.*

Так завершился «царский» период биографии Есенина. В последние годы жизни он иногда потаенно вспоминал о том времени, о людях, которые его окружали: о полковнике Ломане, Клюеве, Распутине, о великой княгине Елизавете Федоровне, о брате императора Михаиле Романове и, конечно, о всей царской семье, душой которой были «младые царевны», сверстницы поэта, которых он воспел и обессмертил...

А в роковом декабре 1925 года, когда оборвалась жизнь Есенина, княжна В. И. Гедройц написала стихотворение «Госпиталь»:

*Квадрат холодный и печальный
Среди раскинутых аллей,
Куда восток и север дальний
Слал с поля битв куски людей,
Где крики, стоны и проклятья
Наркоз спокойный прекращал
И непонятные заклятья
Сестер улыбкой освещал...*

Эти строки прозвучали как свое воспоминание о былом памятном времени 1916 года в Царском Селе...

Фотографии предоставлены автором

Алексей Леонидович КАЗАКОВ

родился в 1949 году в Челябинске.

Литературовед, критик, издатель.

*Окончил Литературный институт им. А. М. Горького
и аспирантуру Института мировой литературы
им. А. М. Горького Академии наук СССР.*

Член Союза журналистов РСФСР и член Союза писателей России.

Выпустил ряд книг, в частности – о творчестве С. Есенина.

*Опубликовал десятки статей и очерков в «Литературной России»,
«Комсомольской правде», «Литературном обозрении»,
«В мире книг» и других изданиях.*

Живет в Челябинске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

